

S.A. Davidov

CONTRACT CULTURE IMPERATIVES IN FIRST LEGISLATIVE CODES OF EARLY FEUDAL EUROPE

Sergey Davidov – professor, the Department of Personnel Management, St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Sociology, associate professor, St. Petersburg; **e-mail: licurg@inbox.ru.**

The period of early feudalism in Europe is characterized by the formation of new contractual principles of spiritual culture based on the imperatives of egoism, rationalism and equivalence. This was the result of the gradual separation of the interests of individuals and households from the interests of society and public economy.

The new principles of social solidarity are reflected in the first law codes. We analyze the contents of three codes in question, namely the Gulating law of ancient Norway, Lex Salica of the ancient Franks and Russkaya Pravda or Russian' Justice.

We make a conclusion that contractual relations between people in the spiritual culture of the early feudal European states were not established. At the same time, the norms of these cultural monuments prove that the imperatives of egoism, rationalism and equivalence were deeply rooted in the minds of people. The institutionalization of these principles further contributed to their establishment in public conscience.

Keywords: *spiritual culture; feudalism; Middle Ages; law code; contract culture; imperative; contract; rationalism; egoism.*

С.А. Давыдов

ИМПЕРАТИВЫ КОНТРАКТНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕРВЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ СБОРНИКАХ РАННЕФЕОДАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Сергей Анатольевич Давыдов – профессор кафедры социологии и управления персоналом, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, доктор социологических наук, доцент, г. Санкт-Петербург; **e-mail: licurg@inbox.ru.**

В период раннего феодализма в Европе стали формироваться новые (контрактные) принципы духовной культуры, основанные на императивах эгоизма, рационализма и эквивалентности. Это стало следствием постепенного обособления интересов частных лиц и домохозяйств от интересов общества и системы общественного хозяйства.

Новые принципы общественной солидарности нашли свое отражение в первых законодательных сборниках. В статье анализируется содержание трех таких сборников: древненорвежского судебного кодекса Гулатинга, Салической Правды древних франков, Русской Правды.

Автор приходит к выводу о незавершенности утверждения контрактных принципов отношений между людьми в духовной культуре ранних феодальных государств Европы. В то же время нормы этих памятников культуры свидетельствуют о глубокой укорененности в сознании людей того времени императивов эгоизма, рационализма и эквивалентности. Институционализация этих принципов еще более способствовала их утверждению в общественном сознании.

Ключевые слова: *духовная культура; феодализм; средневековье; законодательный сборник; контрактная культура; императив; контракт; рационализм; эгоизм.*

Эпоха варварских королевств и ранних княжеств в современной общественной науке обычно связывается с процессом становления государственности в раннефеодальной Европе. Но она может быть интересна еще и тем, что именно в этот период стали формироваться контрактные [12, с. 44] принципы европейской духовной культуры, основанные на императивах эгоизма, рационализма и эквивалентности.

Есть основания считать, что поначалу эти принципы получили распространение в кругу аристократов и воинов. Но с разложением родового строя и формированием вертикально-интегрированного они начинают овладевать сознанием простолюдинов. Ведь в условиях роста социальной и имущественной дифференциации происходило отчуждение рядовых общинников от процесса принятия общественно-значимых решений, а практиковавшаяся аристократической верхушкой вождеств редистрибуция уже не была способна сгладить «всеохватывающее неравенство между людьми и группами» [18, с. 142]. Это приводило к постепенному обособлению интересов частных лиц и домохозяйств от интересов общества и системы общественного хозяйства, а стало быть, формированию на этой основе новых, контрактных принципов общественной солидарности.

Следует полагать, что культура традиционных обществ еще долгое время сопротивлялась подобным инновациям. Например, культура древних народов все еще могла обязывать человека возмещать полученный дар. Но она уже не была способна поддерживать мотивацию архаического человека, рассматривавшего такое возмещение в качестве верного способа сохранить свою независимость от дарителя. В новых условиях лучшие гарантии независимости предоставляло богатство. Не случайно норма, предписывающая человеку обязанность отдариваться, стала закрепляться юридически, а за ее несоблюдение на нарушителя накладываются санкции, носящие – что характерно – вполне реститутивный характер. Напри-

мер, в древненорвежском судебнике Гулатинга уже устанавливалось: «каждый имеет право (отобрать) свой подарок, если он не был возмещен лучшим платежом: дар не считается возмещенным, если за него не дано равного» [4, с. 418].

О формировании «контрактной» составляющей мышления человека в ходе усложнения структуры архаического общества свидетельствуют ранние законодательные сборники. Примером документа, фиксирующего переходное состояние общества на пути от семейной общины к соседской, является Салическая Правда. Документ был составлен в начале VI века в период правления Хлодвига I и включал в себя 65 титулов, регламентирующих семейные, имущественные и обязательственные отношения, а также ответственность за правонарушения и уголовные преступления в королевстве салических франков.

Большинство титулов Правды указывает на то, что в общественном сознании салических франков уже начали утверждаться принципы контрактных отношений. Например, один из них устанавливал: «все находящееся в черте дома, двора или изгороди рассматривалось салическими франками как тесная и неотъемлемая принадлежность данного домохозяйства и его обитателей и, значит, как объект их наиболее полного и безраздельного владения» [13, с. 61]. На охрану личного имущества была направлена норма, предусматривающая повышенную ответственность убийцы за совершение преступления в доме потерпевшего [10, с. 23]. Этому же способствовали также и тщательно прописанные процедуры розыска похищенного и «наложения руки» на похищенное и найденное имущество – *anefang* [6, с. 209; 16, с. 84–92].

Нельзя сказать, что титулы Салической правды гарантировали защиту всех имущественных прав частного лица. Однако если какое-то право не защищалось непосредственным образом, оно могло быть гарантировано путем применения института, защищавшего его косвенным путем. Например, не имея возможности

завещать свое имущество, домохозяева могли использовать возможности института аффотомии, регламентирующего передачу имущества одариваемому через третье доверенное лицо в 12-месячный срок [6, с. 67; 16, с. 112–113]. В некоторых своих аспектах Салическая Правда для своего времени выглядит даже чересчур «прогрессивной». Это, в частности, касается монетизации ответственности за преступления против чести и достоинства частных лиц, а также за тяжкие уголовные преступления. Так, Правда приравнивала нарушение помолвки к неисполнению обязательств по займу, устанавливала штраф 45 солидов за бездоказательное оскорбление честного имени женщины и т.д. [2; 6, с. 152; 16, с. 46–47]. Убийство человека также наказывалось денежным штрафом – вергельдом, хотя размер его и определялся социальным положением убитого. Так, убийство раба считалось лишь причинением имущественного ущерба его хозяину, жизнь свободного франка обычно оценивалась в 200 солидов, в 600 солидов – если тот состоял на службе короля и в 1800 солидов – если он к тому же пребывал «в походе». Убийство римлянина наказывалось вергельдом в 100 солидов, но если он являлся сотрапезником короля, то уплачивался вергельд в 300 солидов – в том же размере, что и за королевского раба – графа или сацебарона и т.д. [2, с. 6–11].

Несмотря на то, что Салическая Правда явным образом указывает на вторжение «контрактного» способа мышления даже в те сферы жизни салических франков, которые прежде были надежно защищены императивами традиционной культуры, многие содержащиеся в ней нормы говорят о сохранении в Суассонском королевстве пережитков «анонимной» экономики, где «экономический процесс проявляет себя через посредство родства, брака, возрастных групп, (и где – С.Д.) термин «экономическая жизнь» не имеет явного значения» [14, с. 24]. Так, права частных лиц на пашенные угодья все еще были ограничены общинными институтами и вовсе не распространялись на объекты инфраструктуры, например, до-

роги [5, с. 110–116]. В целом же незавершенность процесса формирования частной собственности у германцев в данный период времени хорошо описывается словами М.М. Ковалевского: «все свидетельства сходятся в признании общинного характера собственности у салических франков и одного лишь дворового владения заимками в пахотах и сенокосах» [8, с. 64].

О незавершенности процесса внедрения императива эгоизма и рационализма в иные сферы социально-экономической жизни говорят, в частности, нормы, предписывающие субсидиарную ответственность родственников убийцы по выплате вергельда. Например, в ходе процессуальной процедуры «горсти земли» неплатежеспособный преступник бросанием земли через плечо привлекал своих родственников к уплате недостающей части штрафа. Характерно, что порядок обращения за помощью определялся близостью его родственных связей с лицами, готовыми предоставить субсидию: сначала горсть земли бросалась в отца, затем в братьев, после чего наступал черед родственников по отцовской и материнской линиям – по трем с каждой стороны [16, с. 124–126]. Следует заметить, однако, что ответственность сородичей по обязательствам своего родственника уже была лишена даже намек на сакральный флер, которым она была покрыта прежде в случаях необходимости защитить родственника от смерти. Здесь она носила обязательный характер, выражалась исключительно в материальной форме и была ограничена размером вергельда или его недостающей части [6, с. 237–239].

Аналогичная тенденция вторжения эгоизма и рационализма в доселе чуждые им сферы жизнедеятельности наблюдалась в большинстве известных обществ на фазе замещения отношений родства отношениями соседства. Не остались в стороне от подобных изменений и славянские народы в связи с возникновением у них новых форм социальной организации общинников – задруг и вервей. В них люди, хотя и были связаны узами обычного права, но уже воспринимали себя в каче-

стве обособленных и имеющих собственные интересы хозяйственных агентов [3, с. 79–80]. «Приняв в себя элементы, чуждые семье, – писал Ф.И.Леонтович, – коренясь отчасти в отношениях договоренных, задруга отодвинула на второй план связи кровные, патриархальные» [11, с. 18]. Те же слова можно отнести и к верви. А.Е. Пресняков в связи с этим отмечал: «для эпохи Русской Правды у нас нет оснований предполагать на Руси кровной связи между членами верви... Вервь Русской Правды уже территориальный, соседский, а не кровный союз» [15, с. 55].

Проникновение контрактных принципов отношений в уклад общинной жизни оказалось системным. В пользу этого свидетельствуют нормы Русской Правды по списку Кормчей Московского Исторического Музея 1282 года. Здесь деление людей также происходит не по родовому, а по территориальному признаку. При этом именно принадлежность к определенной общественно-территориальной единице – верви – определяет права и обязанности человека. Здесь все еще обнаруживает себя коллективная ответственность членов верви за совершенное на их территории преступление, но уже в полной мере проявляет себя нетипичное для родового строя общества явление – монетизация ответственности за уголовное преступление. В этом отношении характерной является норма о «дикой вире». Она определяет, что вервь уже не обязана оплачивать за своих членов штрафы за совершенное убийство. Она помогала лишь тем, кто принимал участие в формировании «дикой виры» – коллективного фонда, формируемого в таких случаях: «Аже кто не вложится в дикую виру, тому людьне не помогають, но сам платить» [7, с. 37].

Следует отметить, что замещение института кровной мести за убийство институтом виры отнюдь не являлось процессом, специфическим для германских или славянских народов. По мере разложения родового строя принцип денежной компенсации за убийство проникал в правовые системы древних ирландцев (эрикфине) [17, р. 20], валлийцев (галанас) [9, с. 97], арабов (дийа) [1, с. 69–70] и мн. др.

Давая подобным практикам социологическую интерпретацию, следует отметить, что они являются не только зримым проявлением тенденции рационализации и секуляризации всех сфер жизнедеятельности древнего общества, которые прежде регулировались религиозными верованиями, обычным правом и родственной солидарностью. Не менее важно, что подобные нормы имели обязательный характер, в силу чего легитимировали контрактные отношения между людьми, повышавшие значение интересов частных лиц и с неотвратимостью утверждая в отношениях между ними принципы индивидуализма и эквивалентности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Боголюбов А.С.* Дийа // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. С. 69–70.
2. *Ведров С.В.* О денежных пенях по Русской Правде сравнительно с законами салических франков. М.: Университетская типография, 1877. 143 с.
3. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Киев, 1907.
4. *Гуревич А.* Избранные труды. Норвежское общество. М.: Традиция, 2009.
5. *Данилова Г.М.* Возникновение феодальных отношений у франков VI–VII вв. Петрозаводск: Государственное изд-во Карельской АССР, 1959. 258 с.
6. *Егоров Д.Н.* Сборник законодательных памятников древнего западноевропейского права. Выпуск первый. LexSalica. Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира, 1906. 326 с.
7. *Карский Е.Ф.* Русская Правда по древнейшему списку: Введение, текст, снимки, объяснения, указатели авторов и словарного состава. Л.: Акад. наук СССР, 1930. IV, 114 с.
8. *Ковалевский М.М.* Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. Т. I. М.: Издание К.Т. Солдатенкова, 1898. 712 с.
9. *Ковалевский М.М.* Современный обычай и древний закон. Сравнительное право осетин в историко-сравнительном

освещении. Т. 2. М.: Типография В. Гатцук, 1886. 432 с.

10. *Левашова М.* Уголовное право Русской Правды сравнительно с Салической // Труды слушательниц Одесских высших женских курсов. Т. 1. Вып. 2. Одесса, 1911. С. 1–32.

11. *Леонтович Ф.И.* О значении верви по Русской Правде и Полицкому Статусу сравнительно с задругою юго-западных славян. Ж. М. Н. Пр., 1867.

12. *Мэйн Г.* Древнейшая история учреждений: лекции / пер. с англ. М.: Кранд, 2011. 320 с.

13. *Неусыхин А.И.* Проблемы европейского феодализма. М.: Наука, 1974. 536 с.

14. *Поланьи К.* Аристотель открывает

экономику // Истоки: экономика в контексте истории и культуры. Вып. 5 / гл. ред. Я.И. Кузьмина. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2004.

15. *Пресняков А.Е.* Лекции по русской истории. Т. 1. М., 1838.

16. *Фишлер Л.Я.* Гражданское право в Салической Правде: дис. ... канд. юрид. наук. Львов: Львовский государственный университет имени И. Франко, 1950. 312 с.

17. *Badar M.E.* The Concept of Mens Rea in International Criminal Law: The Case for a Unified Approach. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2013. 540 p.

18. *Service E.R.* Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective. 2nd ed. New York: Random House, 1971. 282 p.